

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-228-240

EDN: JIQDRW

Научная статья / Research article

Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования

Н.В. Шевчук

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 shevchuk-nv@ranepa.ru

Аннотация. Анализируется текущее положение миротворческой операции в Приднестровье, выполняемой в условиях усиления столкновения интересов России и Запада, милитаризации Молдовы, ее стремления к вступлению в ЕС и НАТО, а также близости контролируемой миротворцами зоны безопасности к региону выполнения Россией Специальной военной операции (СВО) на Украине. На основе объемного исторического материала и анализа нормативно-правовой базы автор обобщает опыт миротворческой деятельности России в регионе молдавско-приднестровского конфликта, выделяет ключевые особенности действующей операции и показывает ее значение для переговорного процесса по приднестровскому урегулированию на политико-дипломатическом уровне. Дан обзор имевшим место международным миротворческим инициативам, проведена оценка состояния переговорного процесса и связи с ним военного компонента урегулирования, выявлены специфические особенности миротворческого формата и его контрольных механизмов, проанализирован правовой статус российских войск. Автор приходит к выводу, что действующая в Приднестровье миротворческая операция по-прежнему востребована и полностью функциональна. Как представляется, в случае выхода из операции Молдовы дислоцированные в Приднестровье российские воинские формирования могут быть вынужденно наделены мандатом специальной гарантийной военной операции для охраны оставшихся с советских времен в регионе конфликта запасов российского вооружения, предупреждения возобновления вооруженного конфликта и обеспечения гарантий мира и безопасности для РФ.

Ключевые слова: миротворческая операция, вооруженные силы РФ, вооруженный конфликт, приднестровское урегулирование, переговорный процесс, формат 5+2, Приднестровье, Молдова

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шевчук Н. В. Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 228—240. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-228-240>

© Шевчук Н.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Role of Russian Peacekeeping in the Pridnestrovian Settlement Process

Nina V. Shevchuk

North-West Institute of Management of RANEPa, Saint-Petersburg, Russian Federation
shevchuk-nv@ranepa.ru

Abstract. The study analyses the current situation of the peacekeeping operation in Pridnestrovie (Transnistria), carried out in conditions of a growing clash of interests between Russia and the West, the militarization of Moldova and its aspirations to join the EU and NATO, as well as the proximity of the security zone controlled by peacekeepers to the region of Russia's special military operation in Ukraine. The author summarizes the experience of Russia's peacekeeping activities in the region of the Moldovan-Pridnestrovian conflict, highlights the key features of the Dniester peacekeeping operation and shows its importance for the negotiation process on the Pridnestrovian settlement at the political and diplomatic level. The article provides an overview of the international peacekeeping initiatives in the conflict region, assesses the status of the negotiation process and the related military component of the settlement, identifies the specific features of the peacekeeping format and its control mechanisms, and analyzes the legal status of Russian troops. The author concludes that the peacekeeping operation in Pridnestrovie is still in demand, fully functional and ready for combat. According to the author, in case of withdrawal from the operation of the Republic of Moldova, the Russian military formations stationed in Pridnestrovie may be forced to receive the mandate of a special guarantee military operation to protect the stocks of Russian weapons remaining from Soviet times in the conflict region, to prevent the resumption of armed conflict and to ensure guarantees of peace and security for the population of Pridnestrovie, at least one third of which are citizens of the Russian Federation.

Key words: peacekeeping operation, armed forces of the Russian Federation, armed conflict, Pridnestrovian settlement, negotiation process, 5+2, Pridnestrovie, Moldova

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Shevchuk, N. V. (2023). Role of Russian peacekeeping in the Pridnestrovian settlement process. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 228—240. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-228-240>

Введение

Миротворческая практика России в последнее десятилетие серьезно обогатилась операциями в Сирии, Нагорном Карабахе и миротворческой миссией Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в Казахстане. Отдельного внимания заслуживают миротворческие действия *ad hoc* в рамках сотрудничества РФ с Турцией в Сирии и Нагорном Карабахе (Шамаров, 2022, с. 27). Нарращивание такого опыта способствует повышению роли России в миротворческой деятельности, служит достижению целей внешней политики страны и отвечает положениям Стратегии национальной безопасности РФ.

В Приднестровье, где под эгидой РФ миротворческая операция реализуется уже на протяжении 30 лет, сегодня геополитическая потребность в укреплении российского присутствия обрела особое измерение. Столкновение интересов России и Запада в

этом регионе, близость контролируемой миротворцами зоны безопасности к территории проведения Россией Специальной военной операции (СВО) на Украине, намерение официального Кишинева вступить в НАТО, систематические попытки Молдовы и ее западных партнеров демонтировать миротворческий механизм — все это актуализирует обобщение опыта миротворческой деятельности России в регионе молдавско-приднестровского конфликта.

Проблематика российского миротворчества в Приднестровье чаще всего рассматривается исследователями сквозь призму функциональности уникального и единственного на сегодняшний день трехстороннего миротворческого формата с вовлечением в операцию военных контингентов сторон конфликта¹. Ряд работ посвящен анализу

¹ Шевчук Н. В. Миротворчество на Днестре: невыученные уроки // Российский совет по международным

международно-правовых аспектов миротворческой операции и статусу российских вооруженных формирований в регионе конфликта (Язькова, 2014; Задохин, 2018; Вежан, 2017). В некоторых трудах миротворчество РФ на берегах Днестра предстает как геополитический ресурс (Дергачев, 2018; Ковальски, Мовиляну, 2020; Великая, Татаров, 2021; Шамаров, 2022; Potter, 2022). Однако от современного исследователя ускользает такая важная невоенная функция миротворческих миссий, как обеспечение мирного процесса путем создания надлежащих условий для проведения переговоров на политико-дипломатическом уровне.

Цель данной статьи состоит в выявлении специфических особенностей миротворческой деятельности России в Приднестровье и оценке ее значения для процесса мирного политического урегулирования конфликта, включая переговорный процесс.

«Замороженное» урегулирование

Конфликт в Приднестровье возник в конце 1980-х гг. на фоне националистских настроений, набравших обороты в тогда еще советской Молдавии. Политика дискриминации по национальному и языковому признакам и стремление молдавских элит к объединению с Румынией стали источниками угроз, сплотивших полиэтничное население наиболее промышленно развитого региона Молдавии — Приднестровья — для защиты своих прав и сохранения самобытной и в то же время многонациональной идентичности.

Распад СССР, неурегулированный с точки зрения внутреннего советского права и противоречивый с точки зрения ключевых принципов международного права, породил дилемму самоопределения для народов бывших советских республик и создал почву для кровопролитных конфликтов в разных частях постсоветского пространства. Не стало исключением и Приднестровье, столкнувшееся

с вооруженной агрессией со стороны молодого национального государства — Республики Молдова, обосновавшего вторжение необходимостью восстановления конституционного порядка. Самый кровопролитный этап молдавско-приднестровского конфликта пришелся на июнь-июль 1992 г. Тогда остановить военные действия удалось благодаря вмешательству Российской Федерации, задействовавшей для разведения сторон дислоцировавшиеся в Приднестровье части 14-й гвардейской общевойсковой армии ВС СССР и ВС РФ (далее — 14-я армия).

За прекращением огня последовало заключение мирного соглашения, подписантми которого стали президенты России и Молдовы. Анализируя положения этого документа, особенно сегодня, спустя многие годы, можно утверждать, что именно Соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» 1992 г.² (далее — Соглашение 1992 г.) создавало фундамент для всего процесса урегулирования. Прежде всего, документом устанавливался режим прекращения огня, учреждались миротворческая операция и ее руководящий орган — объединенная Контрольная комиссия (ОКК), а также «зона безопасности» по линии разъединения, которую миротворцы контролируют по сей день.

Как правило, когда в современных исследованиях о приднестровском конфликте встречается Соглашение 1992 г., контекст упоминания связан именно с этими элементами миротворчества. Однако все эти, безусловно, важные механизмы были призваны гарантировать отказ сторон не только от вооруженных действий, но и от применения санкций и блокад. Кроме того, документ фиксировал обязательства участников конфликта устранить помехи для движения товаров и

делам. 15.01.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirotvorchestvo-v-pridnestrove-nevuyuchennye-uroki/> (дата обращения: 02.02.2023). См. также: (Романчук, 2014; Игнатъев, 2015).

² Соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова // UN Peacemaker. 21.07.1992. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MD%20RU_920000_AgreementPrinciplesPeacefulSettlementDniestrConflict%28ru%29.pdf (дата обращения: 13.01.2023).

людей и незамедлительно приступить к переговорам. Так были заложены ключевые параметры процесса мирного политического урегулирования конфликта в Приднестровье.

Несмотря на то, что к субстантивным переговорам стороны смогли приступить еще в 1995 г., а формат переговоров с тех пор расширился до формата «5+2»³, Кишиневу и Тирасполю до сих пор так и не удалось нащупать взаимоприемлемую формулу сосуществования. Многократно отвергались различные планы урегулирования, подразумевавшие построение федерации или конфедерации. Стороны категорически не принимают идеи друг друга: проект реинтеграции от молдавской стороны и «развод» с последующим построением добрососедских равноправных отношений — от приднестровской.

Отсутствие выраженной эскалации и вооруженных инцидентов в этом регионе перевели конфликт в разряд «замороженных», что нередко давало возможность экспертам говорить о нем как о наиболее легкоразрешимом по сравнению с другими затяжными кризисами в Европе. Однако к 2006 г. «замороженным» оказался не только конфликт, но и переговорный процесс по его урегулированию. Вплоть до начала 2012 г. стороны не поддерживали официальные контакты ни на высшем уровне, ни на уровне дипломатов и политических представителей Тирасполя и Кишинева. В этом контексте справедливым представляется мнение российского исследователя С.В. Растольцева, который считает подобную стагнацию переговорного процесса следствием того, что конфликт продолжает восприниматься стереотипно как «замороженный», в котором ничего не происходит, и появляется иллюзия, что он может решиться сам собой (Растольцев, 2018, с. 85). На самом деле в условиях отсутствия переговоров к противоречиям, лежавшим в основе конфликта, добавляется множество новых проблем,

³ Сегодня участниками «Постоянного совещания...» (5+2) выступают: стороны — Республика Молдова и Приднестровье, посредники — Российская Федерация, Украина и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также наблюдатели — Европейский союз и США.

усугубляющих и без того конфликтные отношения сторон.

Проведя «работу над ошибками», Тирасполь и Кишинев при активном содействии посредников, прежде всего России, сумели вернуться за стол переговоров после шестилетнего перерыва. Стороны договорились о тактике «малых шагов», которая предполагала совместное решение наименее конфликтных и неполитизированных вопросов, чтобы улучшить благосостояние жителей региона и сформировать необходимую для нормализации отношений атмосферу доверия (Шевчук, 2022, с. 39).

На протяжении семи лет, несмотря на периодически возникавшие паузы, эта тактика позволяла поддерживать комплексное взаимодействие в рамках урегулирования на нескольких уровнях. На двустороннем уровне проводились встречи и лидеров, и политических представителей Кишинева и Тирасполя. На многостороннем уровне сотрудничество велось в рамках миротворческой операции и ее руководящих органов, включая ОКК и Объединенное военное командование. Также действовал формат «5+2» и его вспомогательная платформа — экспертные рабочие группы, а также имела место «челночная дипломатия» посредников и наблюдателей путем поочередного проведения встреч с руководством сторон в Приднестровье и Молдове. Однако в 2019 г. молдавские власти приняли решение вернуться к наиболее чувствительному и конфликтному вопросу о статусе Приднестровья в составе Республики Молдова. Это привело к срыву очередного раунда «5+2», проходившего в Братиславе, после чего стороны больше не смогли вернуться за стол переговоров.

В настоящее время обнулено взаимодействие на высшем двустороннем уровне, серьезно деградировала работа на политико-дипломатическом треке. В сложившихся геополитических реалиях ни Кишинев и Тирасполь, ни сопосредники — Россия, Украина и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) — не рассматривают возможность возобновления работы формата «5+2». Президент Молдовы Майя Санду с

момента своего избрания в 2020 г. ни разу не встречалась с руководством Приднестровья. Политические представители сторон — вице-премьер по вопросам реинтеграции Республики Молдова Олег Серебрян и министр иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) Виталий Игнатъев в 2022 г. встречались всего несколько раз в режиме *ad hoc* для решения оперативных вопросов, преимущественно связанных с работой энергетического сектора. Интенсивность работы на вспомогательном для переговорного процесса уровне — встреч экспертных рабочих групп — снизилась за 2022 г. в два раза. При этом те немногие встречи, которые удается провести, проходят в режиме онлайн, в то время как эпидемиологическая обстановка в связи с пандемией COVID-19 уже нормализовалась. Для сложившейся здесь ситуации «ни войны, ни мира» вполне уместно вводить новую категорию, и по аналогии с «замороженным конфликтом» считать мирный процесс в Приднестровье «замороженным урегулированием».

Как это ни парадоксально, с учетом устремлений молдавских властей и их западных партнеров демонтировать миротворческий механизм на берегах Днестра наиболее результативной в регионе молдавско-приднестровского конфликта остается сегодня работа в рамках миротворческой операции. Особую роль в процессе урегулирования этот уровень взаимодействия играет еще и потому, что вопросы безопасности по согласованию участников формата «5+2» не обсуждаются в рамках переговорного процесса и остаются в исключительной компетенции миротворцев — ОКК, которая занимается предупреждением эскалации и политическим улаживанием возможных обострений ситуации, а также Совместных миротворческих сил из вооруженных контингентов трех сторон (России, Приднестровья и Молдовы) и военных наблюдателей от Украины.

Что касается участия украинской стороны в миротворческой операции, то, вопреки распространенному заблуждению, после кризиса 2014 г. Киев не выходил из миротворческой операции, к которой присоединился

путем направления группы своих военных наблюдателей еще в 1998 г. Несмотря на то, что Украина вышла из ряда соглашений и вместе с Молдовой отказалась соблюдать обязательства по обеспечению условий для ротации российского контингента, материального обеспечения миротворческих сил и пропуска соответствующих грузов, вплоть до 2019 г. украинская сторона осуществляла ротацию своих военнослужащих (Шевчук, 2020, с. 154).

В марте 2022 г. посол Украины в Молдове Марк Шевченко направил в ОКК официальное уведомление о решении президента Украины временно приостановить выполнение задач группы военных наблюдателей в составе Совместных миротворческих сил⁴. В документе подчеркивалось, что приостановка деятельности военных наблюдателей не может трактоваться как прекращение участия Украины в Совместных миротворческих силах в зоне безопасности и других механизмах приднестровского урегулирования.

В настоящее время в штатном режиме выполняются задачи миротворцев и руководящих органов миротворческой операции по обеспечению безопасности, не прерывается взаимодействие подразделений миротворческих сил, остается системной работа военных наблюдателей (временно без участия украинской стороны), групп быстрого реагирования, солдаты несут службу на всех миротворческих постах⁵. Все это в совокупности гарантирует обеспечение мира. Обстановка в зоне безопасности остается управляемой и контролируемой, а проведение миротворческой операции по-прежнему составляет важную часть процесса урегулирования конфликта мирными политическими средствами, как это и было зафиксировано в Соглашении 1992 г.

⁴ Украина отозвала своих военных наблюдателей из состава Совместных миротворческих сил // Новости Приднестровья. 17.03.2022. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/22-03-17/ukraina-otozvala-svoih-voennyh-nablyudateley-iz-sostava-sovmestnyh> (дата обращения: 13.01.2023).

⁵ Олег Беляков: Военных приготвлений со стороны Приднестровья и Молдовы нет // Новости Приднестровья. 28.02.2023. URL: <https://novostipmr.com/ru/content/oleg-belyakov-voennyh-prigotovleniy-so-storonypridnestrovyia-i-moldovy> (дата обращения: 13.03.2023).

Миротворческие инициативы

Сегодня редко упоминается о том, что до учреждения действующей на берегах Днестра миротворческой операции имели место и другие попытки организации международного миротворческого присутствия — сначала для предупреждения военной эскалации, а затем для сохранения режима прекращения огня. Так, на фоне первых масштабных вооруженных акций в отношении приднестровских населенных пунктов весной 1992 г. Верховный Совет непризнанной ПМР обращался к России и Украине с просьбой выступить гарантами мирного урегулирования и оказать содействие в отражении военной агрессии (Мяло, 2002, с. 46). Однако в то время и Россия, и Украина уже участвовали в переговорном формате по разрешению «приднестровской проблемы», учрежденном по инициативе Румынии и Молдовы в апреле 1992 г. Несколько раундов консультаций прошли в Кишиневе в четырехстороннем формате на уровне министров иностранных дел Молдовы, России, Румынии и Украины⁶.

По итогам переговоров, прошедших без участия приднестровских представителей, сторонами была подписана декларация о прекращении огня и создана четырехсторонняя совместная комиссия по контролю над ситуацией в зоне конфликта (Троицкий, 2016, с. 29). Члены этой миссии впоследствии несколько месяцев вплоть до начала масштабного наступления молдавских вооруженных сил на ПМР 19 июня 1992 г. дислоцировались в приднестровском городе Бендеры. Часть наблюдателей покинула Бендеры за день до начала вооруженного наступления на город, некоторые участники группы были эвакуированы в течение нескольких дней. Миссия не справилась с возложенными на нее обязанностями наблюдения и контроля с целью невозобновления спорадических актов насилия.

⁶ Оазу Н. Истоки и перспективы разрешения Приднестровского конфликта // *Art of War*. 22.11.2011. URL: http://artofwar.ru/i/iwan_d/text_0350.shtml (дата обращения: 12.01.2023).

Вторая попытка организовать международное миротворческое участие в урегулировании была совершена молдавскими властями сразу после прекращения огня. Накануне намеченных на 7 июля 1992 г. консультаций с российской стороной о параметрах мирного соглашения по Приднестровью 6 июля молдавский президент Мирча Снегур на встрече лидеров государств — участников СНГ поставил вопрос о направлении в зону конфликта миротворческих сил СНГ, в которые входили бы молдавские, украинские, белорусские и российские контингенты⁷.

По мнению авторитетного российского ученого А.И. Никитина, инициатива М. Снегура объяснялась опасениями одностороннего военного вмешательства России (Никитин, 2009). Схожее мнение можно встретить и в зарубежных работах, в которых проведение миротворческой операции под эгидой России нередко описывается как вынужденное, учитывая российский арсенал вооружений, контроль над которыми в ином случае был бы у приднестровской стороны (Lutterjohann, 2023, p. 66).

Кроме того, по настоянию молдавской стороны российский контингент не должен был включать дислоцировавшиеся в Приднестровье части 14-й армии, при непосредственном участии которой удалось прекратить вооруженные действия в регионе конфликта.

Необходимо отметить, что молдавские власти изначально рассчитывали на то, что 14-я армия, подчиненная весной 1992 г. главнокомандующему объединенными вооруженными силами СНГ, не будет вмешиваться в конфликт и препятствовать молдавскому вооруженному наступлению на мятежное Приднестровье. Основанием для такого расчета служил апрельский указ президента России Б.Н. Ельцина, запрещающий использовать эти войска в межнациональных конфликтах

⁷ Возникновение и развитие вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова // Министерство обороны Российской Федерации. URL: https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations/more.htm?id=10336232@cmsArticle (дата обращения: 13.01.2023).

(Губарь, 2022, с. 204). Инициатива о запуске механизма коллективного миротворчества СНГ не была поддержана лидерами стран-участниц, и в итоге миссия была организована без мандата СНГ, а в состав миротворческих сил в соответствии с заключенным 21 июля 1992 г. Соглашением вошли молдавский, российский и приднестровский контингенты.

Сразу после этого была предпринята еще одна попытка интернационализировать миротворческий формат. Высший совет безопасности Молдовы рекомендовал М. Снегуру добиваться в ходе московской встречи включения в состав миротворческих сил Румынии и Украины как стран, заинтересованных в гарантиях мира вблизи своих границ. Впоследствии подписание в Москве Соглашения с фиксацией главенствующей роли России и без подключения не вовлеченных в конфликт третьих стран было названо оппонентами М. Снегура военной и моральной капитуляцией (Ковальски, Антоць, Скобиоалэ, 2019, с. 43).

Уже после вступления в силу Соглашения 1992 г. Кишинев пытался подключить румынскую сторону к работе ОКК в качестве группы военных наблюдателей, но и это было сочтено нецелесообразным (Никитин, 2009). При этом в 1994 г. представители Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) получили возможность наблюдения за ходом заседаний ОКК, а военные наблюдатели от Украины присоединились к миротворческой операции, как уже было сказано выше, в 1998 г.

Нельзя не упомянуть, что и сама Россия во времена так называемой «kozyревской дипломатии» первой половины 1990-х гг. пыталась частично заменить российский контингент на силы ООН и СБСЕ, но ее обращения не были удовлетворены. Не нашла поддержки на Западе и инициатива министра иностранных дел РФ А.В. Козырева о приравнивании российской миротворческой операции к действиям этих организаций⁸. Российский

дипломат Михаил Майоров, руководивший в начале 2000-х гг. российской частью Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта, в своей книге о российских миротворцах вспоминает, как в 1993 г. на встрече Совета министров иностранных дел СБСЕ России отказали в предоставлении ее воинским формированиям в «горячих точках» постсоветского пространства статуса миротворческих сил СБСЕ (Майоров, 2007, с. 46). В свою очередь ООН в конце 1992 г. силами своей специальной миссии проинспектировала деятельность российских миротворцев и ОКК в Приднестровье и признала ее достаточно эффективной, отклонив российскую просьбу о подключении ООН к миротворческому формату (Шевчук, 2020, с. 155).

Существенно позже, уже в начале 2000-х гг., к миротворческому процессу пытались подключить ЕС. С соответствующими инициативами выступали сначала Нидерланды во время своего председательства в ОБСЕ в 2003 г., затем в 2005 г. — Украина в рамках предложенного на саммите Организации ГУАМ (Грузия — Украина — Азербайджан — Молдова) «Плана Ющенко», и многократно — Молдова.

В первом случае речь шла о замене трехстороннего формата Совместных миротворческих сил контингентом ОБСЕ, находящимся под управлением ЕС. При этом допускалось участие других «заинтересованных сторон» (Троицкий, 2016, с. 33). Во втором — предлагалось создать международный механизм европейских военных и гражданских наблюдателей под эгидой ОБСЕ⁹. Эти идеи рождались на фоне стремления ЕС увеличить свое влияние на постсоветском пространстве и расширения Евросоюза на Восток. Последнее, по мнению польского ученого М. Косенковски, способствовало еще большему укреплению Россией своего патроната в отношении Приднестровья (Kosienkowski, 2019, p. 186).

⁸ Козырев А. Россия фактически в одиночку несет бремя реального миротворчества в конфликтах по периметру своих границ // Независимая газета. 1993. 22 сентября.

⁹ Шевчук Н. В. Ошибки на старте: чего не знает новый молдавский президент о статусе российских войск в Приднестровье? // Россия в глобальной политике. 08.12.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/oshibkina-starte/> (дата обращения: 02.02.2023).

Наконец, Кишинев не оставляет идеи демонтажа действующей миротворческой операции с последующей ее заменой на мирогарантийную миссию гражданского наблюдения. По мнению молдавского президента Майи Санду, такая деятельность может быть развернута под эгидой ОБСЕ¹⁰.

Упомянутые инициативы, хотя и находили широкую поддержку среди молдавских элит и в экспертном сообществе¹¹, не были поддержаны ни в Тирасполе, ни в Москве. В свою очередь, для возможного решения на уровне ОБСЕ необходимо было получить согласие всех 57 стран — членов ОБСЕ, что сложно было представить в 2003—2005 гг., и тем более маловероятно в текущей геополитической ситуации. К слову, в 2009 г. Кишинев и Тирасполь обсуждали передачу миротворческого мандата ОБСЕ на московской встрече высшего уровня, по итогам которой президентами конфликтующих сторон было подписано совместное заявление¹². В документе отмечена стабилизирующая роль миротворческой операции и согласована целесообразность ее трансформации в мирогарантийную под эгидой ОБСЕ, но только по итогам приднестровского урегулирования. Однако приблизиться к таким итогам за прошедшие с тех пор годы сторонам так и не удалось.

Уникальный формат

Сложность процесса организации миротворческой операции в Приднестровье изначально была предопределена тем, что ее

¹⁰ Санду предложила новый формат миротворческой миссии в Приднестровье // Евразия. Эксперт. 30.11.2020. URL: <https://eurasia.expert/sandu-predlozhi-lanovyy-format-mirotvorcheskoy-missii-v-pridnestrove/> (дата обращения: 12.01.2023).

¹¹ Popescu N., Litra L. Transnistria: A bottom-up solution // European Council on Foreign Relations. September 25, 2012. URL: https://ecfr.eu/wp-content/uploads/ECFR63_TRANSNISTRIA_BRIEF_AW.pdf (accessed: 12.01.2023).

¹² Президенты России, Молдовы и Приднестровья по итогам встречи в Москве подписали совместное заявление // Министерство иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики. 18.03.2009. URL: <https://web.archive.org/web/20220513144500/https://mid.gospmr.org/ru/Rbz> (дата обращения: 12.01.2023).

инициатор — российская сторона — к моменту учреждения миссии уже была вовлечена в конфликт для прекращения огня и применила элементы принуждения к миру путем предупредительного развертывания и демонстрации силы (Никитин, 2009). Это стимулировало к переговорам и организации миротворчества Кишинев, рассчитывавший при этом на широкую интернационализацию формата будущей миссии и недопущение главенствующей роли России в мирном процессе. Для иной конфигурации сил внутри миротворческого формата у Молдовы не было ни требуемой международной поддержки, ни ресурсов. По этому поводу авторитетный западный эксперт Д. Линч писал, что именно ресурсные ограничения побудили Министерство обороны Молдовы переложить «миротворческую ответственность» на бывшую 14-ю армию (Lynch, 2000, p. 68).

В то время для ЕС и США приднестровское урегулирование, как и мирные процессы в других «горячих точках» бывшего СССР, не входили в число приоритетных направлений внешней политики. По мнению Е.Ф. Троицкого, у США и ведущих европейских стран тогда не было сформированной стратегии политики на постсоветском пространстве, а конфликт на периферийном осколке Советского Союза не затрагивал интересы этих акторов (Троицкий, 2016, с. 30). Учитывая такие факторы, нет оснований сомневаться в том, что Россия обладала всеми возможностями для самостоятельного развертывания операции и определения ее ключевых параметров. Тем не менее Москва проявила гибкость.

Несмотря на то, что в текст Соглашения 1992 г. не вошли положения о неучастии военнослужащих 14-й армии в миротворческой операции, на деле просьба М. Снегура была учтена и, по данным Министерства обороны РФ, российский миротворческий контингент не вошел в состав 14-й армии¹³.

¹³ Возникновение и развитие вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова // Министерство обороны Российской Федерации. URL: https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations/more.htm?id=10336232@cmsArticle (дата обращения: 13.01.2023).

Во Временном положении о воинских контингентах¹⁴, принятом через неделю после подписания Соглашения 1992 г., было указано, что контингенты формируются из числа военнослужащих, «не участвовавших в операциях в период вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдовы»¹⁵. Для этого Россия обеспечила комплектацию своего миротворческого контингента из числа военнослужащих батальонов 45-й гвардейской мотострелковой дивизии из Ленинградского военного округа, соединений 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и 27-й гвардейской мотострелковой дивизии (Никитин, 2009).

Исключение из состава миротворцев военнослужащих 14-й армии, участвовавших в событиях 1992 г., и ротация военных из отдаленных регионов России, по мнению А.И. Никитина, характеризовали стремление к стандартам операции как миротворческой и препятствовали нежелательной идентификации России как поддерживающей лишь одну из сторон конфликта (Никитин, 2009).

В апреле 1995 г. расположенные в Приднестровье части 14-й армии в соответствии с директивой министра обороны РФ № 314/2/0296 были переименованы в Объединенную группировку российских войск (ОГРВ), которая до сих пор дислоцируется в Приднестровье на основании российско-молдавского Соглашения 1994 г. «О правовом статусе, порядке и сроках вывода воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории

Республики Молдовы»¹⁶. В соответствии с указанным документом вывод российских воинских формирований из региона должен быть синхронизирован с «политическим урегулированием приднестровского конфликта и определением особого статуса Приднестровского региона Республики Молдовы»¹⁷.

Сегодня миротворческий батальон РФ входит в состав ОГРВ, главными задачами которой являются охрана складов вооружений бывшей 14-й армии, хранящихся в приднестровском селе Колбасна, и выполнение миротворческой операции. Выступая на заседании Постоянного совета ОБСЕ в апреле 2020 г., постоянный представитель России при ОБСЕ Александр Лукашевич подчеркивал, что ОГРВ участвует в ротации российских миротворцев, являясь частью функционирования единого механизма миротворческой операции, что необходимо для продолжения мирного процесса¹⁸.

Главная уникальность миротворческого формата состоит в том, что операция реализуется Совместными миротворческими силами, включающими, кроме российского, военные контингенты сторон конфликта — Молдовы и Приднестровья. Так, операцией в Приднестровье был создан особый прецедент, по утверждению специалистов, абсолютно не типичный для миротворческих миссий. А.И. Никитин в этом контексте справедливо вспоминает имевшее место включение отдельных военизированных, в основном полицейских, формирований от участников конфликта в выполнение некоторых функций, связанных с миротворческой операцией

¹⁴ Временное положение об основных принципах создания и деятельности групп военных наблюдателей и воинских контингентов, предназначенных для прекращения вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова от 29 июля 1992 года // Делегация представителей в Объединенной контрольной комиссии от ПМР. URL: <https://web.archive.org/web/20190411110520/http://www.okk-pridnestrovie.org/download/Vremennoe-polozhenie.rar> (дата обращения: 13.01.2023).

¹⁵ Шевчук Н. В. Ошибки на старте: чего не знает новый молдавский президент о статусе российских войск в Приднестровье? // Россия в глобальной политике. 08.12.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/oshibki-na-starte/> (дата обращения: 02.02.2023).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовом статусе, порядке и сроках вывода воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Молдова // UN Peacemaker. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MD-RU_911021_AgreementOnWithdrawalOfRussianForces%28ru%29.pdf (дата обращения: 13.01.2023).

¹⁸ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации А.К. Лукашевича на онлайн-заседании Постоянного совета ОБСЕ 30 апреля 2020 года // ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/3/451651.pdf> (дата обращения: 13.01.2023).

и согласованных с основными миротворческими силами (Никитин, 2009). Речь идет, прежде всего, об операциях ООН в Восточной Славонии и на постдейтонском этапе в Боснии и Герцеговине (Никитин, 2009). Сегодня в этот же ряд можно поставить деятельность Совместного российско-турецкого мониторингового центра (СРТМЦ) по контролю за прекращением огня и всех военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта, организованного на территории Азербайджана. Современному исследователю еще предстоит изучить опыт налаживания этим центром прямых линий связи с органами военного управления сторон конфликта — Армении и Азербайджана — и штабом российского миротворческого контингента.

Однако в указанных кейсах имело место не прямое подключение к миротворческой операции, как в Приднестровье. Кроме того, в условиях приднестровского конфликта силовые правоохранительные структуры также привлекаются для осуществления целого ряда миротворческих функций и вовлечены в работу руководящего органа операции — ОКК. Представители руководства министерств внутренних дел, структур государственной безопасности, а также внешнеполитических ведомств Молдовы и Приднестровья включены в состав постоянных делегаций в ОКК. Однако такая деятельность не равнозначна тому, как организовано в Приднестровье совместное несение службы на миротворческих постах и по периметру зоны безопасности. Схожий опыт позже был применен в ходе миротворческой операции в Грузии и Южной Осетии. По мнению экспертов, эти казусы отнесены к особой разновидности международного миротворчества (Никитин, 2009).

На протяжении 30 лет не менялись и базовые принципы взаимодействия участников миротворческого формата в Приднестровье. Так, все соблюдают принцип консенсуса при принятии любых решений как в рамках ОКК, так и на уровне составных элементов операции, включая Объединенный штаб и группы военных наблюдателей Совместных миротворческих сил. Важен и принцип прямого взаимодействия сторон, выражающийся не

только в совместном несении боевой службы, но и в еженедельном мониторинге зоны безопасности военными наблюдателями, регулярных встречах с местным населением, руководителями местных органов власти и в оценке обстановки в контролируемом регионе.

Усилиями миротворцев контролируется также соблюдение принципа территориальности в осуществлении правоохранительной деятельности. Это особенно важно с учетом того, что по итогам прекращения огня в 1992 г. было принято решение зафиксировать так называемый «статус-кво присутствия», когда в отдельных районах города Бендеры, как и в некоторых селах вокруг него, осталась одновременно и молдавская, и приднестровская администрация. Также в этих населенных пунктах находятся и молдавские, и приднестровские силовики (полицейские, транспортная и железнодорожная полиция, работники прокуратуры, служб безопасности, пенитенциарных учреждений и др.). Во избежание инцидентов, в которые могут быть вовлечены вооруженные силовики сторон конфликта, усилиями ОКК в зоне безопасности был согласован принцип территориальности. Так, правоохранительный орган той или иной стороны отвечает только за территорию, находящуюся в его административном подчинении.

Следует отметить, что на политико-дипломатическом уровне наладить взаимодействие в области правоохранительной деятельности Кишиневу и Тирасполю не удалось. В 1999 г. стороны согласовали «Комплексную программу совместных мер борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и оружия», которая среди прочих содержала обязательства обмениваться информацией о розыске лиц, скрывающихся от следствия или суда¹⁹.

¹⁹ Комплексная программа совместных мер борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и оружия // International Center on Conflict and Negotiation. 13.07.1999. С. 3—6. URL: http://iccn.ge/files/protocol__moldova_and__pridnestrovi_e_on_economy_trade_and_science_technology__13_july_1999.pdf (дата обращения: 13.01.2023).

Однако спустя 10 лет Молдова вышла из этого и ряда других документов, регламентировавших борьбу с преступностью и взаимодействие пенитенциарных систем.

Инциденты в зоне ответственности миротворцев случаются нередко, что только усиливает востребованность совместных действий в миротворческом формате. Только в последние годы предметом реагирования и обсуждения в рамках ОКК были изъятие боеприпасов у населения, похищение силовиками граждан и другие случаи с участием правоохранительных органов²⁰.

Особенно сложными являются периоды проведения выборов в Республике Молдова, когда для недопущения к участкам проживающих на территории Приднестровья граждан Молдовы молдавские националистические формирования осуществляют множество провокаций на пунктах перехода, включая стычки с пограничниками, драки с местными жителями и другие недружественные действия. Среди пострадавших в ходе таких акций был и российский комендант²¹. Не допустить обострения обстановки в зоне безопасности и купировать подобные акты позволяют согласованные действия миротворцев, которым нередко приходится вставать разграничительной стеной перед участниками беспорядков²².

Заключение

Приднестровье являет собой единственный в Восточной Европе пример, когда после ввода миротворческого контингента военные действия были прекращены и не возобновлялись сторонами конфликта. Уникальный формат проводимой на Днестре операции,

²⁰ Олег Беляков: Похищение граждан Приднестровья приведет к обострению в Зоне безопасности // Новости Приднестровья. 15.04.2021. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/21-04-15/oleg-belyakov-pohishchenie-grazhdan-pridnestrovyu-privedet-k> (дата обращения: 13.01.2023).

²¹ Миротворческая миссия создает условия для мирного урегулирования // Новости Приднестровья. 29.07.2021. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/21-07-29/mirotvorcheskaya-missiya-sozdaet-usloviya-dlya-mirnogo> (дата обращения: 13.01.2023).

²² Там же.

действенность ее механизмов и принципов обогащают международный миротворческий опыт и вносят ценный вклад в развитие и совершенствование российского миротворчества.

Несмотря на препятствия нормальному функционированию миротворческой операции, связанные, в первую очередь, с проблемами материально-технического обеспечения и ротации российского миротворческого контингента из-за действий Украины и Молдовы, миротворческие силы остаются в полной боевой готовности. Кроме того, сохраняется и диалоговый потенциал ОКК, поскольку в работе ее заседаний в качестве гражданских наблюдателей по-прежнему принимают участие сотрудники дипломатических ведомств сторон²³.

Российское миротворчество в этом регионе является одновременно и инструментом обеспечения региональной безопасности, и военно-политическим механизмом защиты собственных национальных интересов за рубежом (Шамаров, 2022, с. 19), и механизмом, обеспечивающим мирное урегулирование и устойчивость политико-дипломатического взаимодействия сторон конфликта в формате переговорного процесса.

Демонтаж миротворчества в Приднестровье чреват сломом не только выстроенной российско-молдавским мирным соглашением 1992 г. системы взаимодействия в области безопасности, но «размораживанием» конфликта, возвращением Кишинева и Тирасполя к состоянию вооруженного противостояния. В случае такого сценария, в условиях отсутствия каких бы то ни было других гарантий безопасности, Россия окажется обязанной защищать безопасность своих граждан, которых в настоящее время в Приднестровье уже более 200 тыс. человек²⁴.

²³ Также в начале 2023 г. Молдова назначила главой своей делегации в ОКК Александра Фленка, который многие годы был вовлечен в переговорный процесс «5+2» (сначала как сотрудник кишиневской миссии ОБСЕ, а позже и как главный переговорщик — политический представитель Кишинева).

²⁴ Вадим Красносельский: российские миротворцы — единственная гарантия мира // РИА Новости. 24.12.2021. URL: <https://ria.ru/20211224/kranoselskiy-1765195410.html> (дата обращения: 13.01.2023).

К слову, в западных исследованиях этой обязанности защищать придается немалое значение (Bejan, 2017; Kosienkowski, 2019; Rotaru, 2022).

Необдуманные резкие шаги Кишинева могут привести к вынужденному наделению дислоцированных в Приднестровье российских воинских формирований мандатом специальной гарантийной военной операции. Эти же механизмы могут быть задействованы и для охраны остатков неутраченных вооружений 14-й армии в приднестровском селе Колбасна. В таких условиях реализация

миротворческих функций на территории Приднестровья может осуществляться на основании двустороннего договора с Москвой, позволяющего, кроме всего прочего, увеличить за счет проживающих в Приднестровье граждан России численность российских военных формирований. Так или иначе, урегулировать все разногласия сторонам снова придется за столом переговоров, а сегодня для этого есть и потенциал, и условия, которые обеспечиваются действующей миротворческой миссией.

Поступила в редакцию / Received: 05.02.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 01.04.2023
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Великая Н. М., Татаров Р. А.* Геополитические кейсы в процессе урегулирования приднестровского конфликта // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2021. № 3. С. 116—129. <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2021-3-116-129>
- Губарь А. Н.* Роль России в урегулировании острой фазы приднестровского конфликта (1990—1992) // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 202—207. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-5-202-207>
- Дергачев А. Ю.* Российская Федерация и урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве (эволюция концептуальных основ и миротворческой практики) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1. С. 23—28.
- Задохин А. Г.* Приднестровье и Молдавия на краю Евразии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 3. С. 33—42.
- Игнатъев В. В.* Угроза миру на Днестре: новые вызовы — старые исполнители // Постсоветский материк. 2015. № 1. С. 65—72.
- Ковальски С. В., Антоць А. М., Скобиоалэ Н. Н.* Как закончилась война: «Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в приднестровском регионе Республики Молдова» // Science Time. 2019. № 12. С. 42—51.
- Ковальски С. В., Мовилян В. В.* Полемика вокруг итогов приднестровского конфликта // Science Time. 2020. № 1. С. 28—38.
- Майоров М. В.* Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве. Москва : Международные отношения, 2007.
- Мяло К. Г.* Россия и последние войны XX века. Москва : Вече, 2002.
- Никитин А. И.* Конфликты, терроризм, миротворчество. Москва : Навона, 2009.
- Растольцев С. В.* Три мифа о «замороженных» конфликтах на постсоветском пространстве в Европе: критический анализ // Международные отношения. 2018. № 4. С. 82—94. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2018.4.28227>
- Романчук С. И.* Миротворчество России на постсоветском пространстве: итоги и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1. С. 72—79.
- Троцкий Е. Ф.* Политика Европейского Союза в отношении приднестровского конфликта (1992—2015 гг.) // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 28—40. <https://doi.org/10.17223/2312461X/13/2>
- Шамаров П. В.* Концептуализация миротворчества России как объективное требование сложной международной обстановки // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2. С. 14—34.
- Шевчук Н. В.* Миротворчество на Днестре: «казнить нельзя помиловать» // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы : сборник научных статей. Вып. 4 / отв. ред. О. Ю. Михалев, В. И. Сальников. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. С. 149—159.

- Шевчук Н. В. Тактика малых шагов в урегулировании конфликтов: казус Приднестровья // Международные процессы. 2022. Т. 20, № 1. С. 38—54. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.1>
- Язькова А. Республика Молдова — Приднестровье — Российская Федерация // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2014. № 33. С. 8—11.
- Bejan A. M. The Status of the Peacekeeping Operations in the Transnistrian Conflict // Contemporary Readings in Law and Social Justice. 2017. Vol. 9, no. 2. P. 236—244.
- Kosienkowski M. The Patron-Client Relationship between Russia and Transnistria // De Facto States in Eurasia / ed. by T. Hoch, V. Kopeček. London : Routledge, 2019. P. 183—207.
- Lutterjohann N. The Depth of the Deadlock? Underlying Themes in the Georgian-Abkhaz and Moldovan-Transnistrian Post-Soviet Conflicts // National Identities. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 53—74. <https://doi.org/10.1080/14608944.2022.2050197>
- Lynch D. Russian Peacekeeping Strategies in the CIS: The Cases of Moldova, Georgia and Tajikistan. London : Palgrave Macmillan, 2000. <https://doi.org/10.1057/9780333984215>
- Potter B. Unrecognized Republic, Recognizable Consequences: Russian Troops in “Frozen” Transnistria // Journal of Advanced Military Studies. 2022. Vol. 13, Special Issue. P. 168—188. <https://doi.org/10.21140/mcu.2022SIstratcul010>
- Rotaru V. Change or Continuity in Russia’s Strategy towards Secessionist Regions in the ‘Near Abroad’? // The International Spectator. 2022. Vol. 57, no. 4. P. 86—103. <https://doi.org/10.1080/03932729.2022.2066821>

Сведения об авторе: Шевчук Нина Викторовна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции, доцент кафедры международных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления; ORCID: 0000-0001-6164-5767; e-mail: shevchuk-nv@ranepa.ru